

М.И. ТАЛТЫНОВ*

**СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ МИГРАЦИИ:
АЛЬТЕРНАТИВНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД
К НЕУДАЧНОЙ ПОЛИТИКЕ ЕС**

Рец. на кн.: Hansen P. A modern migration theory: an alternative economic approach to failed EU policy. – Newcastle: Agenda Publishing, 2021. – 256 p.

Для цитирования: Талтынов М.И. Современная теория миграции: альтернативный экономический подход к неудачной политике ЕС (Рецензия) // Политическая наука. – 2025. – № 1. – С. 300–308. – DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.01.14>

Европа отчаянно нуждается в новой миграционной политике и новом мышлении. В 1990-х и начале 2000-х годов политики и исследователи выступали в основном за «управляемую миграцию» на континенте – это был потенциально «беспроектный» сценарий, в котором демографические преимущества новой миграции благоприятно сказывались на Европе и за ее пределами, а интеграция новых групп мигрантов оказывала положительный эффект для развития стран-отправителей через денежные переводы и глобальные сети. Однако, как показано в работе Хейна де Хааса «Качение маятника в исследованиях миграции» (2012), экономические и политические кризисы последних лет привели к возвращению политиков к оборонительным позициям в вопросе безопасности границ, а автономных исследователей – к непримиримо критическим

* **Талтынов Максим Игоревич**, аспирант Института общественных наук, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва, Россия), e-mail: maximus93250@mail.ru

© Талтынов М.И., 2025

DOI: [10.31249/poln/2025.01.14](http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.01.14)

взглядам на продолжающиеся разрушения, причиняемые странами западного мира [de Haas, 2012, p. 8–25].

В своей новой книге «Современная теория миграции: Альтернативный экономический подход к неудачной политике ЕС» (2021) Пео Хансен дает жесткую оценку того, как европейские политики и исследователи пришли к консенсусу относительно предполагаемого компромисса между «защитой» европейских государств благосостояния и стабилизацией политической враждебности «коренного населения» к иммиграции и правами или мобильностью, которые могут быть предложены мигрантам [Hansen, 2021]. Тем не менее это книга, готовая вступить в техническую дискуссию об альтернативной экономике, чтобы обосновать конструктивный, но реалистичный подход к приему беженцев, позволяющий соотнести гуманитарные обязательства европейских государств с потенциальными выгодами от новых миграций.

Хансен делает свои выводы на примере исследования регенеративных эффектов переселения беженцев в отдаленные обезлюдившие регионы Швеции с хронически стареющим населением. В период с 2015 по 2017 г., когда Швеция, вместе с Германией, приняла большое количество людей, ищущих убежища в Европе, она отказалась от фискального благоразумия, чтобы инвестировать в их расселение. Хансен утверждает, что несмотря на успех этой политики, которая многократно увеличила выгоды для местных органов власти, она была закрыта национальными политиками, разделяющими ложные представления о сбалансированности бюджета, основанными на бытовой аналогии «разумного финансирования», а также широкой жесткой экономией, навязанной ЕС.

Однако его можно было бы рассматривать иначе, в других терминах «функциональных финансов»: если бы расходы понимались не как деньги, потраченные в «убыток» против налоговых поступлений, а как новые финансы, которые государство всегда может создать и которые никогда не теряются, когда они инвестируются в «реальных» субъектов и ресурсы, использующие их в экономике.

Как выяснилось, в Великобритании, на фоне безудержных расходов консерваторов Бориса Джонсона после Brexit и COVID, правительства, конечно, могут собирать ресурсы из ничего, наращивать долг, тратить средства на общественные услуги, социальную защиту и включение уязвимых групп населения. Тем не менее всевозможные акторы и институты на местном уровне могут извлекать выгоду из этого «выравнивания», если подобная политика

их устраивает. Другими словами, денежное дерево было и остается волшебным. Хансен говорит то же самое о приеме беженцев в Швеции и о потенциале COVID, способном изменить игру: экономика жесткой экономии была ложью.

В этой части автор привлекает современную монетарную теорию, чтобы совершить поворот к кейнсианству. Теория, лежащая в основе монографии, перекликается с идеями, высказываемыми другими акторами в США, включая культового политика-демократа нового поколения Александру Окасио-Кортес. Богатство и обеспеченность позволяют быть добрым к обездоленному и страдающему населению по всему миру, это станет залогом лучшего и более богатого общества.

Это, безусловно, важное послание для Швеции, чье государство всеобщего благосостояния, система образования и общественные услуги пришли в упадок в условиях неолиберальной экономики. Как почти во всех развитых либеральных демократиях, шведское руководство пожинает последствия в виде роста расизма и антииммигрантского популизма. Но это не новая политэкономия и не новая теория миграции. Экономистам предстоит оценить, имеет ли смысл привязывать основной критический посыл к спорному подходу в современной экономике. Однако даже среди экономистов преувеличено мнение о том, что существует негативный консенсус относительно издержек недавней миграции.

Многие экономисты зачастую весьма оптимистично оценивают накопительный эффект на рынке труда и в социальной сфере даже низкоквалифицированной миграции: например, с точки зрения заблуждения о кучевой рабочей силе, этнического предпринимательства, взаимодополняемости и социальной диверсификации [Fingleton et al., 2019, p. 1–17]. Если бы Хансен рассматривал Великобританию, то с ним мало кто согласился бы: масштабная мобильность внутри ЕС и постоянная международная миграция всех видов всегда была экономическим благом, она была неустойчивой только в политическом смысле [Portes, 2019]. И даже неолиберал Джордж Борхас приводит аргументы о кумулятивном положительном эффекте отбора миграции беженцев по сравнению с тем, что иммиграция в США всегда облегчала воссоединение семьи с иждивенцами для низкоквалифицированных работников [Borjas, 1989, p. 457–485].

Более очевидными мишенями являются влиятельные социологи и политологи, купившиеся на аргумент о компромиссе: наиболее заметен Мартин Рюс в книге «Цена прав» (2013), чья

обширная работа, осуществленная совместно со шведским политологом Йоахимом Пальме, вызвала большой резонанс в европейских политических кругах (см. проект REMINDER) [Ruhs, 2013]. Хансен также выделяет таких по-разному позиционирующих себя ученых, как Гэри Фримен, Кристиан Йоппке, Виржини Гиродон и Джозеф Каренс, которые отстаивали эту повестку, принимая «дилемму прогрессиста» [Parker, 2017, p. 479–496] в либеральной политической теории миграции. Однако странно, что Хансен соглашается с тем, что беженцы автоматически попадают в категорию людей с низкой квалификацией и низкой производительностью труда.

Вполне правдоподобный взгляд экономиста на критерий недавнего обращения за убежищем говорит о том, что здесь также имеет место отбор эффектов, действующих в гуманитарных потоках людей: просители убежища могут быть моложе, более образованными, интернационализированными, чем некоторые мигранты, являться «средним классом» (это также причины, по которым они могут сталкиваться с политическим преследованием). Просители убежища часто не подходят под строгие критерии международного права в отношении статуса беженца, но приносят с собой личные ресурсы [Crawley, Skleparis, 2017, p. 48–64]. По крайней мере, нигде в своей монографии Хансен не пытается провести эмпирический анализ населения Швеции, ищущего убежища, в этих терминах (экономисты используют термины «ненаблюдаемые навыки» или «возможности»). Иными словами, необходимо определить положительный эффект этих мигрантов на рост экономики, скажем, по сравнению с другими группами населения, которые популисты (стереотипно) определяют как нежелательное «бремя» в европейских обществах: например, бездомные, цыгане или семейные иждивенцы из сельских районов Азии или Африки, прибывшие в результате брачной миграции.

Однако есть и неудобная правда: на фоне тех немногих привилегированных, кто добирается до процедуры получения гражданства на Западе, присутствует достаточное количество тех, кто остается за бортом. Истинно униженные и подчиненные не могут ни говорить, ни двигаться. Для того, чтобы оказаться вдали от политических и климатических катастроф, подталкивающих к новым международным миграциям, требуется определенный капитал – человеческий, экономический или социальный. Именно поэтому многие перемещенные лица так и не добираются до Европы и не признаются в качестве лиц, имеющих законное право на убежище.

Другие вопросы могут возникнуть в связи с тем, что Хансен настаивает на том, что вина за провал миграционной политики в Европе лежит на Европейском союзе. В главах, посвященных представительной «политике ЕС», в основном обсуждаются директивы ЕС. Иногда под «Европой» подразумевается Европейская комиссия. В исторической перспективе это умеренно прогрессивная организация, которая вместе с Европарламентом пытается установить бюрократические и правовые нормы для европейских обществ, в которых прописаны конституционные обязательства и цели политики. Хансен справедливо отмечает, что Комиссия прошла путь от попыток уравнивать права граждан третьих стран со свободно перемещающимися внутри ЕС гражданами в начале 2000-х годов до апогея, когда председатель Комиссии Урсула фон дер Ляйен, придерживающаяся правых взглядов, в феврале 2020 г. заявила о «европейском щите» на границе с Грецией, сдерживающем безоружных женщин, мужчин и детей.

Это действительно «политика ЕС», но, как известно, Комиссия и парламент – относительно беззубые органы, чьи директивы в лучшем случае являются политическими пожеланиями на национальном уровне. Иногда Европа для Хансена – это более жесткий и последовательный Совет министров, который действительно модифицирует «политику ЕС», проводимую Комиссией, в зачастую реакционные законы и договоры. Однако чаще всего, по мнению Хансена, «политика ЕС», которую он критикует, формулируется и проводится национальными лидерами – Меркель или Макроном. Их основной аудиторией всегда являются национальные СМИ и национальный электорат. Европейская демократия в конечном счете является большой проблемой.

Поэтому, когда Хансен говорит о «Брюсселе» как о центральном акторе, это может звучать как довольно евроскептическое упрощение ЕС как многоуровневой политической системы. Конечно, правомерно разочарование в совокупном воздействии юристов, бюрократов, НПО и других лоббистов, которые на протяжении многих лет пытались распространить политику и законодательство ЕС в области прав человека, меньшинств, гендерных прав или борьбы с дискриминацией на миграционную политику, сделав ее более гуманной. Институты ЕС, безусловно, сыграли большую роль в оказании помощи государствам-членам в координации общеевропейской границы и полицейского режима. И действительно, сохранение еврозоны связало руки национальным правительствам внутри нее, запретив печатать деньги для выхода

из режима жесткой экономии (правда, он не касается Швеции с ее собственной «суверенной» валютой). Однако при всестороннем политическом анализе европейской миграционной политики можно сделать вывод, что доминирующим фактором, определяющим все эти события, было общественное мнение на национальном уровне, культивируемое и поддерживаемое популистски настроенными национальными политиками. В книге, предлагающей комплексную политэкономия для лучшей Европы, это измерение отсутствует.

В самом начале Хансен выделяет три утверждения о миграции беженцев: они являются фискальным бременем, поэтому существует компромисс с устойчивостью государства всеобщего благосостояния и эти два фактора настраивают европейскую политику против любой иммиграции. Однако даже если первые два пункта побеждены «реальными фактами» (согласно позитивистской риторики Хансена), третий не пострадал. Эти риторические конструкции, тем не менее, определяют политические результаты. Было бы полезно более систематическое обращение к сравнительной политологии общественного мнения и электоральной конкуренции в вопросе о том, как «иммиграция» привела европейский проект в целом в объятия неолиберального неонационализма [Vachudova, 2021, p. 1].

Сравнительный анализ с Великобританией также был бы поучительным – как «иммиграция из ЕС» была действительно задумана и успешно оформлена Фараджем, Джонсоном и целым рядом уважаемых ученых как политический призрак и скользящий признак [Favell, 2020, p. 103–130]. Их можно ассоциировать с образами просителей убежища в центральной части Восточной Европы, курдских меньшинств в Турции, британских мусульман в северных городах, чернокожих британцев из Виндруша, временных мобильных рабочих из стран ЦВЕ и даже, в конце концов, западноевропейских профессионалов, которые ни юридически, ни географически не должны были рассматриваться как «иммигранты» в Великобритании [Favell, 2020, p. 103–130].

В политическом плане Хансен предполагает, что можно представить себе многопартийный консенсус на основе современной монетарной теории, выравнивающей политики в Швеции и Германии. Эта политика должна быть направлена на «интеграцию» новых волн просителей убежища, которая может быть распространена на всю Европу, причем до такой степени, что все 26 млн беженцев в мире могли бы быть приняты. Это был бы луч-

ший мир, хотя гораздо лучше был бы мир, в котором не было бы лиц, ищущих убежища, и где односторонняя иммиграция из более бедных стран была бы гораздо менее распространена, чем свободное перемещение туда и обратно.

Даже беглое сравнение с литературой по миграции и развитию 1900-х – начала 2000-х годов показывает, что Хансен приходит к разочаровывающе консервативному выводу, вероятно, замкнутому в методологически националистической логике. В книге ни разу не упоминается о транснационализме и не ставится вопрос о том, что произошло с обществами, покинутыми просителями убежища, что, безусловно, является самым важным вопросом в любой теории миграции.

В предисловии Хансен рассказывает о посещении больницы со своей дочерью и о встрече с врачами, медсестрами, уборщицами и таксистами, которые были дружелюбными, недооцененными «иммигрантами». Все это прекрасно для Швеции, но насколько это хорошо для Эритреи или Афганистана, Сирии или Палестины? Каждый из этих успешно «интегрированных» работников является чистым убытком для страны происхождения до тех пор, пока социальные ресурсы, вложенные в них, действительно просочатся обратно из богатого и золотого шведского государства и начнут приносить пользу странам, находящимся в нижней части индекса развития и не входящими в круг военно-промышленного господства США. То есть, когда мы начнем видеть реальные издержки перераспределения для богатого западного национального государства и его дезинтеграционные последствия для гегемонии западной нации.

В 1990-х – начале 2000-х годов многие исследователи пытались сфокусировать эти потенциальные изменения на диаспорической политике на родине, на подпольных транснациональных семейных и деловых структурах, на финансовых и социальных денежных переводах, идущих из страны и обратно. Солидарность с просителями убежища и политика панрабочего класса сегодня часто упоминаются как предвестники новой международной политики [Milkman, 2020]. Но это должна быть солидарность с мигрантами, которые стремятся изменить режимы, угнетающие и господствующие над ними, и которые выступают против североатлантического закрепления колониальной зависимости / извлечения – и не только «солидарность» как образ «межкультурной интеграции», который рисует счастливых просителей убежища в Глазго, Мальмё или маленькой

деревушке за пределами Умео, успешно строящих новую жизнь на Западе.

По-настоящему радикальная теория миграции могла бы документировать и поддерживать то, как отчаявшиеся, но умные «мигранты» находят средства, чтобы получить все и сразу, как «свободные переселенцы» Глобального Севера [Schapendonk, 2020]. Они превращают раздачу пособий в хитрый «туризм», направляют ресурсы «интеграции» из принимающей страны в семью и друзей в отправляющих странах. В конечном счете становится необходимым инструментализировать и демистифицировать «гражданство» и «права», предлагаемые им на Западе, чья исключительность и привилегии настолько обесценивают их собственные, и который закрепляет паспорта в качестве важнейшей валюты «глобального неравенства» [Kochenov, 2019].

Карцеральный пограничный режим основан на линейных, ориентированных на государство представлениях об «иммиграции», «интеграции» и «гражданстве». Это, в свою очередь, напoминает расплату, аналогичную «возмещению» Запада остальным странам, которое начинают представлять себе деколониальные ученые [De Genova et al., 2018, p. 239–265]. Возможно, нужна не столько «современная» теория миграции, сколько революционная.

M.I. Taltynov*

**A modern migration theory. An alternative economic approach
to failed EU policy (Review)**

For citation: Taltynov M.I. A modern migration theory. An alternative economic approach to failed EU policy (Review). *Political science (RU)*. 2025, N 1, P. 300–308. DOI: <http://www.doi.org/10.31249/poln/2025.01.14>

References

- Borjas G. Economic theory and international migration. *International migration review*. 1989, Vol. 23, N 3, P. 457–485. DOI: <https://doi.org/10.2307/2546424>
- Crawley H., Skleparis D. Refugees, migrants, neither, both: categorical fetishism and the politics of bounding in Europe's "migration crisis". *Journal of ethnic and migration studies*. 2017, N 44 (1), P. 48–64. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369183X.2017.1348224>

* **Taltynov Maxim**, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), e-mail: maximus93250@mail.ru

- De Genova N., Garelli G., Tazzioli M. Autonomy of asylum? The autonomy of migration undoing the refugee crisis script. *The South Atlantic Quarterly*. 2018, N 117 (2), P. 239–265. DOI: <https://doi.org/10.1215/00382876-4374823>
- De Haas H. The migration and development pendulum: a critical view on research and policy. *International Migration*. 2012, N 50 (3), P. 8–25. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2012.00755.x>
- Favell A. Crossing the race line: “No Polish, No Blacks, No Dogs” in Brexit Britain? or the Great British Brexit swindle. *Research in political sociology*. 2020, Vol. 27, P. 103–130. DOI: <https://doi.org/10.1108/S0895-993520200000027012>
- Fingleton B., Olnér D., Pryce G. Estimating the local employment impacts of immigration: a dynamic spatial panel model. *Urban studies*. 2019, Vol. 25, N 1, P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1177/0042098019887916>
- Hansen P. *A modern migration theory. An alternative economic approach to failed EU Policy*. Newcastle: Agenda Publishing, 2021, 238 p.
- Kochenov D. *Citizenship*. Cambridge, MA: MIT Press, 2019, 321 p.
- Milkman R. *Immigrant labor and the new precariat*. Cambridge: Polity, 2020, 200 p.
- Parker O. Critical political economy, free movement and Brexit: beyond the progressive’s dilemma. *The British journal of politics and international relations*. 2017, N 19 (3), P. 479–496. DOI: <https://doi.org/10.1177/1369148117711082>
- Portes J. *Immigration: what do we know and what should we do*. London: Sage, 2019, 88 p.
- Ruhs M. *The price of rights: regulating international labour migration*. Princeton: Princeton University Press, 2013, 272 p.
- Schapendonk J. *Finding ways through Eurospace: West African movers reviewing Europe from the inside*. Oxford: Berghahn, 2020, p. 230.
- Vachudova M. Populism, democracy and party system change in Europe. *American political science review*. 2021, Vol. 24, N 1, P. 471–498. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-102711>